

Глава двенадцатая

ОБРАЗЫ МИРА

Философское приятие мира не может состоять ни в бунтующем изобличении того, что мир „лежит во зле“ (Платон), ни в восторженном изображении его мнимого совершенства (Лейбниц). Учение о мире должно быть прежде всего *предметно*. Назов спекулятивной мысли мир сам должен совершить свое раскрытие, изобличение и вознесение; он выполнит это без утаивания и искажения, в строгой простоте и адекватности, ибо сокровенная сущность его — спекулятивное Понятие — не может отозваться иначе на свой собственный зов. Здесь не может быть места пессимизму: Понятие, томящееся в безмыслии своих мировых состояний, радостно и цельно поспешит навстречу познающему разуму, который идет освободить его; *все*, что приняло в мире закон Идеи, „оправдается“ на этом суде через простое раскрытие своей природы и не оставит места ни преувеличениям, ни унынию. Но не может быть здесь места и оптимизму: то, что не вработало в свое „существование“ „реального“ строя, *само* не вступит в ряд Божия пути и продолжит среди явлений свою скрытую борьбу за очищение. „Пессимизм“ и „оптимизм“ — не более, чем случайные „точки зрения“, всплески субъективных мнений, тенденциозные концепции заинтересованной человеческой души. Спекулятивная философия открывает лишь то, что *есть*, потому что она *предоставляет* самому предмету *открыть о себе истинное*.

Так понимает Гегель свое учение о *действительности*. Именно голос предметного обстоятельства, приведший его к *приятно иррациональной стихии*, руководит им и в самом способе трактования мировых „образов“. Гегель стремится очистить и освободить свой „метод“ ото всего, что не предносится ему как реальный способ жизни, осуществляемый самим предметом. Он стремится „передать“ о предмете лишь то, что подлинно видит в нем; он стремится „излагать“ предмет именно так, как предмет сам живет. Внимая предмету, он столь многое перестроил в своих исходных воззрениях, что поистине приобрел право на ту мудрую иронию, с которой говорит нередко о „мнениях“, „субъективных симпатиях“, „праздных поучениях“, „идеалах“ и т. д.

Предмет заставил Гегеля признать, что в нем скрывается не одна, а две стихии. Мир *действительный* слагается из чувственного, временного, иррационального существования и сверхчувственной, сверхвременной, разумной реальности. Ни одна из этих стихий не может быть ни устранена, ни ликвидирована другою в пределах *действительности*, хотя низшая окончательно „снимается“ и поглощается высшею в сфере *реальности*

(философское мышление). Отношение этих стихий в мире есть отношение *борьбы*, связующей обе стороны в спекулятивный *симбиоз*, или отношение *симбиоза*, слагающегося в форму *борьбы*. Борьба между ними ведется за первенство и самоосуществление; не за исключительность бытия, но за подчинение противника своему закону; эта борьба ведется за то, чтобы сполна осуществился *высший способ жизни*.

Противоборство стихий, стоящих в симбиозе, приводит естественно к постоянному *компромиссу*; однако не к компромиссу произвольного самоограничения, а к *преходящему равновесию борющихся сил*. Вынужденное мириться с неизменной наличностью иррациональной стихии, Понятие остается и в мире — действующим, творческим, поборующим началом и ведет „суровую, бесконечную борьбу“¹ с инобытием, постоянно развертываясь в *своеобразный покой достижения*. Однако все явления мира *не окончательны*; все они осуществляют только „перемирие“ стихий. Понятию необходимы эти „компромиссы“ или „перемирия“ для того, чтобы *явиться*; но внутренняя природа его терпит здесь только *преходящее успокоение* и разрешает его все вновь и вновь в беспокойное самоотрицание. Даже явления высшего покоя, осуществляющиеся на земле, — уснувшее море, распустившийся цветок, греческая скульптура, романский собор, свободная нравственность,² — постигаются лишь как *состояния непримирившейся примиренности*.

Уровень этого компромисса зависит от того, *насколько Понятию удалось „проработать“ стихию инобытия и подчинить ее себе*. В зависимости от этого каждый мировой фрагмент есть или „явление“, осуществляющее спекулятивный закон *лишь до известной степени*, или „образ“, осуществляющий его *целостно*. Однако и „образы“ не все равноценны и получают свое место в ряду Божественного восхождения в зависимости от той *чистоты и свободы*, с которой они осуществляют в себе закон спекулятивного Понятия.

„Образ“ стоит по совершенству своему выше „явления“ и может рассматриваться как его *идеальный предел*, как тот уровень совершенного „вразумления“, на который „явлению“ *предстоит* и, если угодно, *следует подняться*. „Образы“ и „явления“ в зависимости от своего характера разделяются на „ступени“, ряды или группы, и каждая группа носит соответствующее наименование, принадлежащее как „явлениям“, так и „образам“, входящим в нее. Поэтому „организмом“ может быть назван и уродливый, и больной, и несовершенный организм; „произведение искусства“ может быть и „явлением“ и „образом“; разлагающееся

¹ „harter, unendlicher Kampf“: Ph. G. 53. Recht. 68. 172.

² Ср., напр.: Enc. III. 429.

государство будет все же „государством“, и извращенная религия будет называться „религией“. Но к числу *образов* может быть отнесен только „совершенный“ организм; только „истинное“ государство, только произведение „прекрасного“ искусства, только религия „откровения“ должны быть включены в восходящий ряд „образов мира“. „Образы“ осуществляют собою то, чего не осуществляют „явления“; „явление“ есть как бы *еще* не состоявшийся или уже не удавшийся „образ“; „образ“ есть „явление“, достигшее своего идеального предела или *осуществившее свое имманентное назначение*.

Отсюда ясно, что „мировой образ“ *не* есть „идеал“, если разуместь под „идеалом“ то, что *должно* быть, но что на самом деле не осуществляется. И точно так же мировой образ не есть „реальность“, если разуместь под „реальностью“ то, что хотя эмпирически и осуществилось, но что *не должно* быть, или *могло бы и не быть*. „Мировой образ“ не есть ни то, ни другое; но *и то и другое* вместе и сразу. Это есть „идеал“ для одноименных „явлений“ и в то же время осуществившаяся „действительность“, т. е. *реальность, принявшая существование*. Это есть то, что *должно* быть, и в то же время то, что *не может не быть*. „Должно“ быть не в том смысле, что осуществление его есть желанная и радостная, но случайная удача; но в том смысле, что это есть *цель и достижение* божественного творчества. „Не может не быть“ не в том смысле, что предшествующие эмпирические обстоятельства были необходимою причиною последующего события; но в том смысле, что Дух *не может не победить* в мире, в борьбе с иррациональною стихиею, созданною им самим. „Мировой образ“ есть спекулятивно-необходимое событие; осуществление духовной победы; идеальное достижение в мире; нечто „реальное“ и в то же время „существующее“, т. е. „действительное“.

Характерной чертой всякого „образа“ является цельное и неразрывное взаимопроникновение между его *формою* и *содержанием*. Если разуместь под формою тот „элемент“, в котором раскрывается и осуществляется известная сила, а под содержанием ту *силу*, которая осуществляет и раскрывает себя в этом элементе, то в каждом образовании *формою* будет иррациональная стихия, а *содержанием* — спекулятивное Понятие. Если же под формою разуместь тот закономерный *строй*, который зиждет внутреннее и внешнее единство „образа“, а под содержанием ту *материю*, которую этот закон сковывает в единство, то в каждом образовании *формою* будет спекулятивное Понятие, а *содержанием* — иррационально-чувственная стихия. Однако правильнее не применять терминов „форма“ и „содержание“ к чувственному элементу: *истинным содержанием* и *истинною формою* „образов“ является *сила Понятия*, а чувственный элемент оста-

ется лишь *средством выражения*, или „средою“, „медиумом“, — способом „являться“, а не способом „быть“. Сила Понятия приносит *свое содержание* и раскрывает его в действительном „образе“: это содержание божественно, ибо оно есть само *бытие Божие*. Сила Понятия приносит и *свою форму*, и осуществляет ее в действительном „образе“: эта форма божественна, ибо она есть *диалектически-органический ритм Идеи*. В Боге нет формы, отдельной от содержания, и нет содержания, которое могло бы оторваться от своей формы. Спекулятивное содержание есть нечто живое; оно живет и творит себя по-своему и иначе не может; его живая глубина несет в себе и с собой ритм, и этот живой ритм и есть его единственная форма.

Тот фрагмент мира, который не приемлет спекулятивного содержания *вместе* с имманентною ему спекулятивною формою, не есть „образ“. Но тот, который приемлет, снимает в значительной степени различие между „эмпирическим“ и „метафизическим“, столь определенно установленное Кантом и столь остро почувствованное самим Гегелем. То своеобразное депотенцирование Идеи, к которому Гегель был приведен в философском „приятии“ мира, придало уже Понятию значение органической и даже просто „физической“ силы;¹ „метафизическое“ скрылось в первозданной, стихийной глубине „физического“ и исчезло в неразличимости. Восходящий ряд „образов“ осуществляет эту неразличимость иным способом: эмпирическое превращается в *адекватное выражение*, в „знак“ *того метафизического содержания, которое ему дано вместить и раскрыть*.

Это означает, что *не всякий* „эмпирический“ фрагмент мира может вместить и „явить“ *всякое* спекулятивное содержание, ибо здесь осуществляется некое строгое соответствие. Но в пределах этого соответствия чувственный элемент мира может и должен принять спекулятивное содержание, выпавшее ему на долю, так, чтобы каждый угол, *каждый атом* его существования был бы насыщен и проникнут наличной разумностью и „действительно“ являл бы *подлинное присутствие силы Божией*. Быть воистину „знаком“ высшего значит быть не „от себя“ и не „собою“, *но только „в виде себя“*; „знак“, насыщенный тою глубиною, которую он означает, загорается „внутренним“, сокровенным огнем своего Божественного значения и становится его необходимою и *адекватною видимостью*. Но и видимость эта утрачивает весь одиозный характер, присущий всякой „видимости“ как таковой: видимость перестает быть искажающей и темнящей, скрывающей личиной, но получает значение *соблюдающего и светлого, открывающего вида*. Вид есть не от лжи

¹ Cp.: Diss. 21.

и не от тьмы, но от света: он не отлучает, а приобщает, и необходим для *очевидности и откровения*. Чувственное не только становится „медиумом“ разумного содержания, но включается в его истинную модификацию; оно оказывается его органической тканью, его подлинным состоянием. „Образ“ есть не осуществляющаяся, но осуществившаяся сущность: *Бог, принявший инобытие в органический состав своей действительности*.

В результате такого сочетания обеих стихий каждый образ являет собой сращенное единство, в котором невозможно отличить „чисто эмпирическое“ от „чисто метафизического“, и, поскольку это было бы возможно, постольку данное образование уклонялось бы от истинной спекулятивной органичности. Способ его существования эмпиричен, чувствен и нередко сверх того материален; но этот способ существования сам по себе как таковой не имеет бытия; взятый в отвлечении от метафизической сущности, он есть нереальная, условная „абстракция“ — создание того субъективного воображения и той субъективной мысли, которая допустила этот акт произвольного отвлечения; поскольку же этой абстракции действительно соответствовало бы что-нибудь в строении данного образа, постольку он был бы несовершенен. Чувственный фрагмент пронизан и освящен разумностью так, что в его лице присутствуют въяве сама Божественная сила; разум изливается в стихию инобытия, захватывая ее и творя себя в ней так, что *Божественная сила получает чувственное бытие*. В „образе“ нет „чисто эмпирического“, но нет и „чисто метафизического“; здесь можно еще говорить о различии двух „законов“ или „порядков“, хотя один из них, низший, преодолен и в своей самобытности погашен; но реально две стихии уже не разнствуют. Высшая облекла себя в низшую и стала „теперь“ и „здесь“ „этим существованием“; низшая приняла в себя высшую и стала вечною и всеобщею сущностью. Связь между ними такова, что тот, кто созидает эмпирическую ткань „образа“, творит „действительность“ субстанции; и тот, кто разрушает чувственную видимость „образа“, разрушает духовное откровение. В этом трагедия образов: *действительность Божией жизни на земле подлежит судьбе временных и преходящих вещей и подвержена смертности и концу*. Бессмертное является облаченным в смертность, и только вечная сущность „образа“ — „бытие его бывания“ — избавлена от этого рока.

Все развитие так называемых у Гегеля „конкретных“ наук посвящено раскрытию и обоснованию того, что в мире *имеются* такие образы: „действительные“, ибо состоящие из „сущности“ и „существования“; победные, ибо осуществляющие спекулятивный симбиоз между двумя стихиями; божественные, ибо вмещающие подлинную силу Божию; временные и конечные, ибо состоявшиеся в чувственно-эмпирической ткани мира; и,

наконец, восходящие по ступеням к высшему и последнему одухотворению, — к абсолютной *свободе*.

Таково, прежде всего, Натурфилософское учение о *естественном организме*, впервые осуществляющем в природной материи высший закон духовной жизни.

Естественный организм есть первый и простейший „образ“ мировой действительности. Он чувственно-материален, пространственно-временен и, следовательно, эмпирически-иррационален по внешнему способу существования; и в то же время он есть создание внутренней субъективности и самости Понятия, впервые изливающегося в вещественную среду.¹ В этом его действительность. Однако эта „действительность“ имеет характер не „явления“, а „образа“, ибо являет победу „внутреннего“ над „внешним“.

Естественный организм в силу своей материальной природы неизбежно встречается с вещественным инобытием в лице окружающей его среды, вступает с ним во внешнюю борьбу и утверждает свою действительность. Отдельные стороны его входят в отношение с „другими вещами“ и вступают через это в длительный процесс изменений.² Однако организм обращается *против* притекающих извне воздействий, „заражает“ собою привходящее,³ превращает его⁴ и приобщает к своей субъективности, отождествляет с собою и делает „чужое“ своим достоянием,⁵ „идеализируя“ его⁶ и тем поддерживая в себе свое „самостное единство“.⁷ Таким путем организм преодолевает свое сплетение с инобытием⁸ посредством усвоения его,⁹ и в этом „внешнем процессе“ своем он сходится или „сливается“ сам с собою.¹⁰ Он не останавливается на противодействии внешнему объекту,¹¹ но стремится вообще освободиться от внешнего процесса¹² и обратиться внутрь. Поэтому он превращает внешний процесс в его противоположность и направляет его на поддержание своего образа.¹³ Этим он создает себе возможность относиться к инобытию „совершенно равнодушно“¹⁴ и слагаться в замкнутую и поддерживающую себя „вещь“.¹⁵ Он утверждает себя как телесно-живую индивидуальность, как конкретное-целое,¹⁶ несущее в себе свою всеобщность в отличие от неорганических вещей, имеющих ее *вне* себя.¹⁷

¹ См. главу одиннадцатую. ² Ph. G. 52. Aesth. I. 155—159. 177. 190—191. Bewelse. A. 457. 461. ³ Ср., напр.: Enc. II. 502 (Z). „Inflciren“. ⁴ Enc. II. 531. (Z). „verwandeln“. ⁵ Enc. II. 502. (Z). ⁶ Aesth. I. 153. 157. 158. ⁷ „selbstische Einheit“: Enc. II. 549—550. ⁸ Enc. II. 630. (Z). 631. (Z). ⁹ Log. III. 228. Enc. II. 596. (Z). Bewelse. 462. ¹⁰ Enc. II. 619. ¹¹ Enc. II. 619. ¹² „Diesen Process von sich wegschafft“: Enc. II. 619. Aesth. I. 159. ¹³ Ph. G. 52. ¹⁴ Phän. 210—211. ¹⁵ Phän. 199. ¹⁶ Log. III. 253. ¹⁷ Enc. II. 278. (Z).

Таким образом *природный организм* относится к *окружающим его вещам* так, как *Понятие* относится к *иррациональной стихии мира вообще*; поэтому он есть первое раскрытие или откровение силы Божией в мире. Он есть осуществление Идеи в мире быwania,¹ явление Идеи в природе,² — „чувственно объективная Идея“.³ Он есть *первый образ* и потому *прообраз* высшего. Не выходя за пределы материальной вещественности, он свидетельствует о том, что обе стихии могут срастись в „одушевленную тотальность“,⁴ что в мире возможен объективно существующий „идеализм“.⁵

И при всем этом он сохраняет временное и конечное существование. Свойственная ему материальность подвергает его року вещей, и процесс его самоутверждения имеет однажды прийти к концу; неизбежное взаимодействие с другими вещами делает его ограниченным и зависимым; его бессознательная природа⁶ указывает предел его самостоятельности и свободы:⁷ уже субстанция и еще не субстанция; уже самодеятельность и еще зависимость; уже организм и еще чувственная вещь. Это есть *первое овеществление спекулятивного закона*.

Оно находит свое завершение в душевно-телесной жизни человека. Здесь „внутренняя сила“ получает психический характер: *душа* осуществляет себя в теле; а „внешняя материальность“ превращается в тело; душа творит себе тело для того, чтобы раскрыть себя сначала через него, а потом независимо от него и, может быть, вопреки ему. „Человек“ есть новый „образ“, более высокий, чем естественный организм, и открывающий новую перспективу уже не „природного“, а *духовного* восхождения. „Действительность“ человека в том, что он состоит из „сущности“ — души и „существования“ — тела. Принадлежность его к „образам мира“ определяется тем, что душа как внутренняя спекулятивная сила побеждает чувственно-эмпирическую косность материи и слагает себе *живое и прекрасное тело*, являющее высшую закономерность ее бытия. Победа души над телом и выход ее в самостоятельную и независимую *разумную* деятельность раскрывают ее божественную силу: внешняя „природа“ проводится через „смерть“,⁸ „снятие“⁹ и „негацию“¹⁰ для того, чтобы „молния духа ударила“¹¹ в чувственную материальность тела; природа „сжигает себя, как феникс“, для того, чтобы дух мог выйти в жизнь из этого огня.¹² Такая героическая „негация“, завершающаяся самосознанием и „быти-

¹ „Dasein der Idee“: Aesth. I. 153. ² „Naturerscheinung der Idee“: Aesth. I. 154. 155. ³ „die sinnlich objektive Idee“: Aesth. I. 160. ⁴ Aesth. I. 161. ⁵ Aesth. I. 160. ⁶ Ср., напр.: Enc. I. 377. ⁷ Aesth. I. 193. ⁸ Ср.: Enc. II. 691. 693. ⁹ Enc. II. 693. Ср.: Enc. III. 43. (Z). 46. 175. (Z) и др. ¹⁰ Enc. III. 13. ¹¹ Diff. 268. Это выражение принадлежит Шеллингу. ¹² Enc. II. 695. (Z).

ем для себя“,¹ есть подлинное проявление силы Божией. И тем не менее, человек как таковой сохраняет свое чувственно-материальное существование, свою временность, конечность и телесную смертность, и последняя практическая задача его жизни состоит в том, чтобы придать самой смерти своей спекулятивное значение.

Высшим „образом“, выводящим человека из его единичности и конечности и открывающим ему путь ко „всеобщей“ жизни и спекулятивной смерти, является *государство*. Государство „действительно“, ибо состоит из „сущности“ — всеобщего, субстанциального народного духа и „существования“ — чувственно-эмпирического элемента, предстоящего в виде территории, климата, природы, хозяйства и множества телесно-душевных индивидуальностей. Оно принадлежит к „образам мира“ потому, что осуществляет в эмпирических условиях земного общения органическую „конкретность“. Сущность государства состоит именно в том, что множество самостоятельных и разъединенных с виду человеческих монад ведет единую, сращенную жизнь: граждане пребывают в „конкретности“ народного Духа, а народный Дух живет в преодоленной и спекулятивно-освященной среде эмпирически-разъединенных хотений и интересов граждан.

Участие в зрелом и совершенном государстве требует от гражданина *душевной зрелости* и *нравственного совершенства*. Индивидуальный дух должен, прежде всего, преодолеть конкретную-эмпирическую форму своего существования: он должен приобрести господство и над своим телом, и над своей душой. Тогда только он может осуществить в себе тот процесс духовного и нравственного самоуглубления, который необходим ему для целостного вступления в спекулятивную жизнь. Этот процесс состоит в том, что индивидуум обретает в себе таинственную сверхличную сферу непогрешающей, правой воли и сливает себя с нею, предавая ей свою жизнь и свои силы. Тогда личный дух становится живым явлением *права* и в деяниях своих начинает руководиться непогрешающим, *добрым нравом*, вводящим его в сферу *конкретной нравственности*. В нем царит, им движет *воля к духовной свободе*, и эта воля есть не что иное, как подлинная сила самого Божества. Руководимый этою силою, личный дух становится спекулятивно зрячим и открывает в каждом другом личном духе ту же самую, единую для всех и всех объединяющую субстанциальную волю Божества. Слияние с Божиею силою, обретенною в самом себе, уводит каждого в сферу субстанциального *единства* и позволяет каждому найти себя во всех и всех в себе. Каждый гражданин убеждается в

¹ Ср. об этом переходе: Епс. II. 693. Rel. II. 50, а также главы о „сознании“ и „самосознании“ в Phän. и Епс. III.

своем духовном единстве со всеми другими гражданами и с духом своего народа, т. е. с самим Божеством в его национальном самоопределении. Это организованное единство спекулятивно-сращенного народа и есть *государство*.

Государство есть органически живущая Всеобщность; тотальность личных духов, растворенная в них и растворившая их в себе; духовный организм, внутренне разделяющий себя на отдельные функции, силы и круги. Сущность его в спекулятивном тождестве „всеобщего“ (народного духа), „особенного“ (сословий) и „единичного“ (семейных групп и личных духов). В этом тождестве состоит свобода, ибо ни один из элементов не имеет в другом инобытия. В этой свободе духовная сила и спекулятивная высота государства, ибо она утверждает его Божественную природу: государство божественно, как действительность Бога в человеческой совместности. Государство есть *организованная жизнь* нравственности и власть его есть само Добро как неизменная сущность всех сознаний.

Этим определяется его строй и его действия. Каждый гражданин живет сразу в трех состояниях нравственности — семейственном, общественном и политическом. Семья воспитывает человека к субстанциальному единению и самоотвержению; гражданское общество дает ему самостоятельность в пределах признанного им самим закона; политическая жизнь осуществляется высшим взлетом самостоятельного духа, свободно определяющего себя к самоотвержению. Питаясь таким гражданским духом, государство представляет из себя тотальность семейных ячеек и в то же время великую систему потребностей, труда и имущественных состояний; оно есть органическое единство взаимно питающих друг друга сословий, жизнь которых обслуживается полицией и сдерживается корпоративной организацией; и в то же время, оно есть единство разделенных, но поддерживающих друг друга органов власти. Государство есть органическая система учреждений, проникнутых единым сознанием и единою волею; действиями этой системы руководит монарх, творящий закон совместно с сословиями и осуществляющий его совместно с правительством. Этим зиждется суверенитет государства, определяющийся тем, что оно есть высшая и самостоятельная цель жизни. Эта цель — организованный расцвет народного духа — не уступает ничему высшему: государство утверждает себя и свою самостоятельность войною на жизнь и на смерть, отстаивая себя и обеспечивая своему народу самобытное созерцание Божества в искусстве, религии и философии.

Итак, государство есть образ божественной Идеи, являющийся во временном ряду истории. Отсюда его абсолютность и временность; его духовное значение и его предел.¹

¹ См. второй том.

В *искусстве* осуществляется новое, высшее сращение Понятия с иррациональной стихией, сращение, в котором „внутреннее“ уже не стремится высвободиться из „внешнего“, так как это имеет место в жизни организма, человека и государства, но зреет *замкнуто*, самозаконно и лишь затем свободно выходит в сферу инобытия, чтобы явить состоявшееся откровение.

Создания искусства „действительны“ как *чувственные явления духа*. Художественное творчество имеет свой особый способ осознания и изображения предмета, и именно этот способ вводит его в пределы эмпирически-чувственной сферы. Элементом Духа в искусстве служит „созерцание и образ“,¹ „чувственное бытие“,² „внешний данный материал“,³ „внешнее существование“.⁴ Даже „самое высокое“ искусство изображает „чувственно“,⁵ т. е. в такой форме, которая „отчетливо противостоит мысли“.⁶ Изображаемое содержание существует в виде естественного,⁷ непосредственного⁸ явления.⁹ Именно „чувственно-образный вид делает“ нечто произведением искусства:¹⁰ этот способ „раскрытия“¹¹ или „изображения“¹² составляет самую природу его. Всеобщность является здесь „вполне индивидуализированной“;¹³ она „поставляется перед очами в чувственно-единичном“ виде,¹⁴ как „индивидуальный“ образ „действительности“,¹⁵ как „воплощение духа“.¹⁶

Именно „Дух“ есть то, что воплощается в образах прекрасного искусства и что придает ему значение духовного самопознания. Предметом и содержанием искусства и эстетического творчества является сама „истина“,¹⁷ Идея,¹⁸ т. е. само Божество. Искусство есть особый способ „выговаривать божественное“,¹⁹ или, что то же, „изображать Абсолютное“; подобно спекулятивной философии, оно есть „богослужение“,²⁰ „живое созерцание абсолютной жизни и, тем самым, пребывание в единстве с нею“.²¹ То, что изображают произведения искусства, то, над чем бьется, страдая и радуясь, душа художника, есть само „спекулятивное Понятие“, т. е. Дух в его существенной

¹ Recht. 430. ² Enc. III. 335. (Z). ³ Enc. III. 442. ⁴ Aesth. I. 39. 105. 106. 206. ⁵ Aesth. I. 11. 8. 47. 73. 91. 94. 102. 317. Aesth. II. 91. 92. 111. 115. 229. 243. 272. 354. 383. 465. Aesth. III. 15. 27. 127. 133. 146. 150. 222. 227. 243. 253. 274. 289. 311. 419. ⁶ „Dem Gedanken ausdrücklich gegenübersteht“: Aesth. I. 17. ⁷ Enc. III. 441. Aesth. I. 60. ⁸ Aesth. I. 52—53. 94. ⁹ Aesth. I. 60. 206. ¹⁰ Aesth. I. 67. ¹¹ „enthüllt die Wahrheit in Form sinnlicher Kunstgestaltung“: Aesth. I. 73. 132. 197. ¹² „sinnliche Darstellung“: Aesth. I. 91. ¹³ Aesth. I. 68. 92—93. 96. 232; cp.: 255. 316. ¹⁴ Aesth. I. 68. 92—93. ¹⁵ Aesth. I. 96. ¹⁶ Cp.: der „Geist sich verleblicht“: Aesth. I. 215; cp.: Aesth. II. 365. 372. Aesth. III. 220. 438. 518. ¹⁷ Aesth. I. 73. ¹⁸ 5 Rec. 213; cp.: 3 lat. 313. Enc. III. 335. (Z). Aesth. I. 94. 96. 97. ¹⁹ Aesth. I. 11. 225. ²⁰ „Gottesdienst“: Diff. 270. ²¹ „lebendiges Anschauen des absoluten Lebens und somit ein Einssein mit ihm“: Diff. 270.

природе; это есть „истинное Всеобщее или Идея“,¹ сама „метафизическая Всеобщность“,² само „Разумное“,³ сущая конкретная духовность.⁴ Каждое произведение настоящего искусства постигает и открывает некое „классическое“ состояние Духа, самоопределяющегося в своем пути, — некое „идеальное, всеобщее мировое состояние“,⁵ выражающее природу Божества и осуществляющееся во „внутренней природе вещей“. ⁶ Искусство рождается *из Духа и в духе* и потому сплетается корнями своими с природой, религией, нравственностью и философией.⁷ *Откровение* есть содержание искусства, и человек, эстетически творящий, есть „художник Бога“.⁸

Таково двойное строение „образов“ искусства. Понятно, что оно сводится к единству только благодаря тому, что чувственный и вещественный материал оказывается способным к одухотворению. Так, в истинном произведении искусства конкретное-эмпирическое является „лишь знаком Идеи“,⁹ лишенным самостоятельности¹⁰ и самодовления. Рожденное в духе и пребывающее в лоне *Духа*,¹¹ оно получает „духовное крещение“¹² и изображает лишь то, что соответствует божественной природе. Искусство снимает с произведений своих „обманчивую видимость дурного, преходящего мира“ и сообщает им „высшую, духовно-рожденную действительность“, приобщает их „высшей реальности“.¹³ Дух подчиняет себе чувственную материю, очищает ее¹⁴ и одухотворяет; все то, что привнесено дурной случайностью и самозаконностью иррациональной стихии, человеческий дух, внемя зову божественного Духа, отрицает, „снимает“ и удаляет.¹⁵ Все же оставляемое „идеализируется“,¹⁶ насыщается значительностью Божия бытия, слагается по его закону, заживает его жизнью. Чувственная наличность сохраняется,¹⁷ но освобождается от оков голой материальности,¹⁸ выводится из чащи конечного бытия и случайной неудачливости.¹⁹ Произведение искусства остается вещью²⁰ и внешней единичностью;²¹ но утрачивает свою дурную самобытность²² и свое равнодушие к духовному.²³

¹ Enc. III. 335. (Z); cp.: Aesth. I. 68. ² Aesth. I. 30; cp.: Aesth. III. 15. 20. 580. ³ Cp.: Aesth. I. 82. ⁴ Cp.: Aesth. I. 93. 103. 325. ⁵ См.: Aesth. I. 229—252; „der ideale Weltzustand“; Aesth. I. 252; „elnem allgemeinen Weltzustand“: Aesth. I. 253. ⁶ Cp.: Aesth. I. 232. ⁷ Cp.: Enc. III. 440—446; особенно 444—445; а также: Log. III. 328. Aesth. I. 108—116 и главы о природе. ⁸ „Meister des Gottes“: Enc. III. 443. ⁹ „nur Zeichen der Idee“: Enc. III. 441. Cp.: Aesth. I. 215. ¹⁰ Cp.: Enc. III. 445. Aesth. I. 144. 325. ¹¹ Aesth. I. 18. ¹² Aesth. I. 39. ¹³ Aesth. I. 13. ¹⁴ Aesth. I. 200. ¹⁵ Cp.: Aesth. I. 113. 200. 200. 206. 206. 227. ¹⁶ Aesth. I. 51. 111—112. 113. 215. ¹⁷ Aesth. I. 51. 65. ¹⁸ Cp.: Aesth. I. 51. 65; cp.: Aesth. II. 66. 74. 137. 383. Aesth. III. 580. ¹⁹ Cp.: Aesth. I. 51. 102. 109. ²⁰ Aesth. I. 51. ²¹ Aesth. I. 51. ²² Cp.: Glaub. 7. Aesth. I. 150. ²³ Aesth. I. 211.

Чувственное одухотворяется и духовное является в чувственном виде;¹ око зрит „чистое тело внутренней красоты“.²

Искусство достигает того, что чувственный фрагмент, „просветленный“³ Духом, становится носителем Духа, его осуществленным „образом“, в котором нет ничего, что идет не от Духа,⁴ который „зачат и рожден“, не запятнанный дурной субъективностью.⁵ Это означает, что между Идеей и иррациональной стихией осуществляется великое примирение,⁶ основанное на *взаимном приятии и проникновении*.

В образах „прекрасного искусства“ ни чувственный элемент, ни духовная сущность не представляют из себя чего-то внешнего и самостоятельного:⁷ чувственное не есть „только оболочка“⁸ духа; оно не только „соответствует“⁹ или „соразмерно“¹⁰ ему; нет, оно „проникнуто“¹¹ спекулятивным содержанием, оно „совершенно усвоено“ им,¹² так, что даже „случайность“ конечного мира оказывается одухотворенной и сохраненной, ибо образу искусства присуща „видимость ненарочной случайности“.¹³ „Материя“ становится „адекватною“¹⁴ Духу; она вся через Дух: *его* „выражение“,¹⁵ *его* „излучение“,¹⁶ *его* „манифестация“.¹⁷ Подобно тому, как глаз есть „седалище души“ и вся душа целиком светится из его глубины, так искусство „делает каждый свой образ тысячеглазым Аргусом так, чтобы внутренняя душа и духовность“ сияла из каждого „пункта“ его поверхности;¹⁸ и притом *вся — отовсюду*.¹⁹ Тогда между Духом и чувственностью возникает единство:²⁰ обе стороны вработываются,²¹ врастают²² одна в другую; гармония,²³ согласие,²⁴ созвучие.²⁵ Их превращаются в интимную²⁶ и неразрывную²⁷ неразличимую²⁸ сращенность, в „завершенное взаимопроникновение“,²⁹ в растворенность³⁰ и поглощенность.³¹ Возникает спекулятивное тождество чувственного-индивидуального и сверхчувственного-всеобщего: „Всеобщее настолько же приобретает через

¹ Aesth. I. 52. 115. ² „der reine Leib der inneren Schönheit“: Glaub. 7
³ „verklären“: Enc. III. 441. Aesth. I. 204. 205. ⁴ Enc. III. 441. Aesth. I. 110. 195.
⁵ „von subjektiver Besonderheit... und von deren Zufälligkeit unbefleckt empfangen und herausgeboren“...: Enc. III. 443. ⁶ „versöhnt“; ср.: Aesth. I. 91. 115. Enc. III. 443.
⁷ Aesth. I. 68. ⁸ „blosse Hülle“; Aesth. I. 67 68.
⁹ „entsprechen“: Aesth. I. 92—93. 94. 103. ¹⁰ „gemäss“ Aesth. I. 93. 196.
¹¹ „durchdrungen“: Aesth. I. 18. ¹² „vollständig angeeignet“: Aesth. I. 107.
¹³ Aesth. I. 150. ¹⁴ Aesth. I. 200. Aesth. III. 129.
¹⁵ Enc. III. 445. ¹⁶ „Scheinen“: Aesth. I. 144. ¹⁷ Aesth. I. 107.
¹⁸ Aesth. I. 197. Ср.: Aesth. II. 384. 392—396. ¹⁹ Aesth. I. 197.
²⁰ „Eins sein“, „Einheit“, „Ineinsbildung“: Aesth. I. 53. 82. 94. 103. ²¹ „ineinander gearbeitet“: Aesth. I. 94.
²² „ineinander verwachsen“: Aesth. I. 68. ²³ „Harmonie“: Aesth. I. 200
²⁴ „Zusammenstimmung“: Aesth. I. 149. 199—200.
²⁵ „Einklang“: Aesth. I. 201. ²⁶ „Innigkeit“: Aesth. 94. 203. ²⁷ „trennungslos“: Aesth. I. 232.
²⁸ Aesth. I. 185. ²⁹ „vollendete Durchdringung“: Aesth. I. 149: ср.: 188.
³⁰ „Verschmolzensein“: Aesth. I. 103. ³¹ „Verschlungen“: Aesth. I. 201.

единичность конкретное существование, насколько субъективность единичного и особенного лишь во Всеобщем находит непоколебимую базу и подлинное содержание для своей действительности¹. Всеобщее, поглощая единичность, вносит в нее свою высшую спекулятивную согласованность² и превращает чувственный образ в тотальность;³ и обратно — чувственный образ дает Всеобщности адекватное осуществление и индивидуально определенное бытие.⁴

В этом высшем спекулятивном симбиозе „истинный образ“ истинен потому, что „истина, выраженная им, Идея“;⁵ чувственное освящено сиянием Идеи⁶ и являет собою „триумф сосредоточенной в себе свободы“.⁷ Вот откуда истекает та высшая удовлетворенность⁸ и освобожденность,⁹ которая присуща созданиям „прекрасного искусства“. Образы его полны блаженного покоя,¹⁰ светлого радования,¹¹ самодовлеющей¹² законченности.¹³ „Идеальный образ искусства стоит перед нами, как некий блаженный Бог“,¹⁴ внутренне свободный во внешнем бытии,¹⁵ без заботы об ином,¹⁶ чувственно-духовный; он есть осуществленная в мире красота,¹⁷ „абсолютная Идея“.¹⁸

И все же, несмотря на то, что искусство есть сонм действительных „образов“ Божества на земле, оно не есть высший способ¹⁹ жизни, свойственный Духу. Самая форма существования, противоположная мысли,²⁰ получает ограничивающее значение: Понятие живет здесь не в виде понятия,²¹ оно отчуждено от своей настоящей атмосферы²² в сторону чувственного и внешнего, гораздо более даже, чем, например, в религии.²³ В прекрасном искусстве Божество предает себя образному и созерцательному существованию, оно облекается в конечную и преходящую ткань, в видимые и осязаемые облики, оно творит себя как овегетеленную духовность, т. е. не в истинном своем элементе.²⁴ Именно поэтому осуществленная красота остается примиряющей серединой, сочетающей в себе обе стихии, хотя и по закону высшей.

¹ Aesth. I. 231. 232. 185. Cp.: Aesth. II. 9. 333. Aesth. III. 249. I. 199—200. ² Aesth. I. 97. ³ Cp.: Aesth. I. 302. ⁴ Cp.: Aesth. I. 252—313. ⁵ Aesth. I. 202. ⁶ Cp.: „Sinnliches Scheinen der Idee“: Aesth. I. 144. ⁷ Aesth. I. 202. ⁸ „Befriedigung“: Enc. III. 446. Aesth. I. 202. Aesth. II. 129. 137. ⁹ „Befreiung“: Enc. III. 446. Aesth. I. 65. ¹⁰ „Seligge Ruhe“: Aesth. I. 204. 202. 203. Aesth. II. 76. ¹¹ „Helterkelt“: Aesth. I. 202. 203. ¹² „Sichselbstgenügen“: Aesth. I. 202. Cp.: Aesth. II. 297. Aesth. II. 91. 58. ¹³ „Beschlossenheit“: Aesth. I. 202. ¹⁴ „Wie ein seliger Gott“: Aesth. I. 202. ¹⁵ Aesth. I. 218. ¹⁶ Cp.: Aesth. I. 218. ¹⁷ Cp.: Aesth. I. 107. ¹⁸ Aesth. I. 120. ¹⁹ „Weise“: Log. III. 328; cp. о спекулятивном „ранге“ искусства: Aesth. I. 14. 93. 94. 102. 123. 124. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 201. 225. 226 и др. ²⁰ Cp.: Aesth. 117. ²¹ Aesth. I. 8. 51. 51. 34. 201. ²² Aesth. I. 18. ²³ Ph. G. 39. ²⁴ Aesth. I. 103. 104; cp.: 186.

Религия, основанная на откровении, есть последняя ступень действительности, сотканная органически из Разума и неразумной стихии. Она есть высшая ступень в ряду „образований“ потому, что она не только созревает, но и, созрев, пребывает в элементе „внутреннего“, в элементе „познающего созерцания“, являясь вовне лишь в стадии исповедующего культа.

В качестве действующего „образа“ религия включает в себя, с одной стороны, неразумные состояния: душа, религиозно-обращенная к Богу, *чувствует и ощущает* его.¹ Вне чувства нет религии;² но именно поэтому религия всегда причастна *эмпирической душевности*: ибо чувство остается субъективным, случайным и неразумным по природе своей.

Однако в религии откровения субъективное и неразумное чувство приемлет в себя *подлинную силу Божию*. Это есть *истинная* религия, и поэтому она состоит в действительном раскрытии Богом своей природы человеку. Бог есть Дух, а *откровение* есть самая сущность, самый *смысл* (Sinn) духовности.³ Это означает, что „Бог есть и дает себя“ именно „в отношении своем к человеку“.⁴ Со стороны Божества нет и не может быть препятствий⁵ к тому, чтобы в человеке состоялось богопознание, ибо к самой сущности Божией принадлежит то, чтобы *быть в элементе сознания и познания*; сознание же принадлежит только человеку,⁶ и потому Бог может открыть себя только ему, который есть „дух“.⁷

Нелепо и чудовищно было бы приписывать Богу опасливое, ревнивое скрывание от человека своей благодатной природы. По преданию, еще в Афинах был закон, по которому человек, не позволивший другому зажечь свой огонь об его огонь, присуждался к смертной казни.⁸ Даже физическому свету и пламени свойственно сообщаться, распространяться и предаваться „инобытию“, не теряя своей природы и не умаляясь в своей силе; тем более свойственно природе Духа пребывать верным себе и не искажаться в откровении, даруемом человеку.⁹ Все это может быть ясно и нефилософскому сознанию. Дух Божий свободен от всякой ревности и зависти.¹⁰ Зависть есть отношение *одного субъекта к другому*; это есть враждебность *лишенного к обладающему*, нелюбовное, отъединенное противостояние существа, страдающего от своей скудости. И вот, все это мертво в жизни Божией и неприменимо к единой и единственной, всеобъемлющей субстанции. Бог есть бытие не скудное и не

¹ См. главу третью. ² „Die Religion muss geföhlt werden, muss im Gefühl sein, sonst ist sie nicht Religion“: Beweise. 317. ³ Enc. III. 447. ⁴ Beweise. 328. Курсив принадлежит Гегелю. ⁵ „Von Seiten Gottes kann... nichts im Wege stehen“. Beweise 330. ⁶ Ср.: напр., Beweise. 300. 318. ⁷ Ср.: Beweise. 330 и др. ⁸ Beweise. 329. ⁹ Beweise. 329—330. ¹⁰ „Gott nicht neidisch ist“: Beweise. 329. 330. Ср.: Enc. III. 447.

ограниченное, но богатейшая тотальность. Он не „противостоит“ ничему и не пребывает в отъединении; напротив, он во всем видит и знает только себя, имеет дело только с собою и даже „инобытие“ свое, созданное им самим, он возвращает к себе властным зовом и творческим, побеждающим усилием. Самое откровение, исходящее от него, приемлется им же самим: Бог есть субъект, открывающий себя; и Бог есть субъект, восприимлющий *под видом человеческого существа* свое откровение.¹ Откровение есть *Божие самопознание*, т. е. сознание им себя в человеческой душе.²

Это означает, что человеческая душа, переживая религию откровения, исполнена присутствия Божия. Религия есть жизнь, и „только жизнью может быть постигнут и вмещен Бог“;³ ибо Бог есть сама жизнь. Но тайна откровения состоит в том, что когда человек живет душою „в Боге“, то это сам Бог живет в его душе и его душою. Истинная „вера в Божественность“ возможна только тогда, если в самом верующем есть Божественное,⁴ ибо „только модификация Божества может познать его“.⁵ „В каждом человеке“ есть этот „свет и эта жизнь“; и душа его не только освещается этим светом наподобие „темного тела, несущего на себе лишь чужое сияние“, но загорается сама и горит своим собственным огнем.⁶ И этот огонь есть сама жизнь, сама „любовь“,⁷ само Божество, ибо Божество есть всепроникающая сила любви.⁸ Бог живет действительно в душе человека, так, как Лоза присутствует в ветвях своих,⁹ так, как Всеобщее входит в свои единичности; и сам пробуждает в душе человека веру и восхождение¹⁰ к богопознанию.

И все же, несмотря на это спекулятивное тождество „чувствующей души“ с Богом, религия откровения остается в сфере действительности и не входит в пределы чистой реальности. Религия есть „образ“ действительности, соединяющий в себе подлинное бытие Божие и эмпирически-иррациональную форму его жизни. Религия есть жизнь Бога в субъективности¹¹ чувствующей души; правда, „естественное чувство сердца“ оказывается здесь „связанным“ и подчиненным „свободному Духу“,¹² но сущность Божества высказывается ею все же на *небожественном языке „людей“*.¹³ Поэтому даже в откровенной религии душа живет *воистину* и живет *истиною*, но живет *неистинно*. Правда, религия откровения и философия имеют одно и то же

¹ См. главы третью и восьмую. ² См.: Енс. III. 448 и др. ³ Nohl. 318.
⁴ Nohl. 313. ⁵ Nohl. 313. ⁶ Nohl. 313. ⁷ Nohl. 391. ⁸ Ср.: Log. III. 39—40. Nohl. 391. ⁹ Nohl. 391. 314. Ср.: Prop. 203. ¹⁰ Be-
weise. 356. ¹¹ Енс. III. 440. ¹² HInr. 296. ¹³ Енс. I. XXI.

содержание;¹ правда, религия как „достоверная уверенность“,² как сознание „объективного содержания истины“³ несет в себе элементы знания,⁴ нуждается в мысли,⁵ ведет к философскому познанию;⁶ но истинный переход ее от чувства и „сердца“⁷ к мысли делает ее уже *философией*: только для мысли „содержание религиозного ощущения не есть чувственное созерцание и чувственное представление“.⁸

Так, в „образах мира“ открывается возможность примирения между обеими стихиями, возможность их взаимного проникновения их конкретного симбиоза, слагающегося по закону Понятия. Чувственно-эмпирическое настолько пропитывается жизнью Понятия, что вступает с ним в органическое тождество. Следуя голосу предмета, Гегель вынужден был признать, что Дух может стать вещью и внести в нее закон своей жизни и что Дух может овладеть неразумными силами души и раскрыть в них и для них свою божественную природу. „Образы мира“ являют обе стихии не „рядом“, но *одну в другой*. Так, образ красоты не есть „сумма“ или „агрегат“ чувственного и сверхчувственного; нет, это есть *овеществившая себя Идея* или *Дух сущий во образе вещи*. Образ „души, принявшей откровение“, осуществляет не „схождение“, или „соприкосновение“, или „общение“ Бога и души: нет, это есть *самооблечение Бога в чувствующую душу* или *созерцание душою своей божественной природы*. Душа, приемлющая откровение, есть *божественная душа*.

Таков был дух Христа. Иисус явил чувству и чувственному созерцанию осуществление того процесса, в котором слагается весь путь Божий в его целом:⁹ Разум стал плотью и принял чувственно-эмпирическое, индивидуально-человеческое обличие; он осуществил в этой субъективной душе самоосознание своей божественности и, отринув в телесной смерти своей („негации“) форму конечного и личного бытия, растворился во Всеобщность Духа, проникающего и одухотворяющего жизнь религиозной общины, церкви.¹⁰ Христос, этот „единичный человек, в виде которого открылась абсолютная сущность“, свершил на себе все „движение чувственного бытия“.¹¹ Он осуществил собою „непосредственное“ и „чувственное существование абсолютно-конк-

¹ Ср.: Phän. 419. 509. Log. III. 328. Enc. I. XXI. 3. Enc. III. 429. 430. 438. 446. 453. Recht. 333. Briefe II. 77. Prop. 203. 205. ² Enc. III. 441. Beweise. 335.

³ Ср.: Enc. III. 429. 441. Recht. 333. Hlnt. 299. Briefe. II. 75—77. ⁴ Nohl. 289. Diff. 185. Glaub. 103. Phän. 419. 509. 511. Enc. III. 440. Beweise. 311. 324. Prop. 203. ⁵ Enc. I. 5. 14. 35. 107. Enc. III. 117—118. 359. 366. Beweise. 324. 373. Beweise. C. 482. ⁶ Phän. 512. 578. Beweise. 297. Prop. 203. ⁷ Enc. III. 117—118. ⁸ Beweise. 301. ⁹ Ср. метафизическое истолкование троичности: Enc. II. 22—24 (Z). Enc. III. 449—450. Rel. II. 181—288. ¹⁰ См.: Phän. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 577. 583. 584. 585. 587. 589. 590. 592. ¹¹ Phän. 573.

ретного“,¹ и мир созерцал в нем „единство божественной и человеческой природы“.² Религиозная сущность христианской религии как религии „абсолютной“,³ определяется именно благою вестью об осуществимости „органического тождества“ человека и Бога; это „евангелие“ было явлено не словом только, но реальным осуществлением, *actu*, и притом в форме, доступной земному зрению.

Раскрыть это откровение в разумной форме, адекватной самому открывающемуся Разуму, и утвердить божественную *сущность* того, что обычно называют „миром“, но что следует называть „действительным миром“, стало задачей философии.

И разрешая эту задачу, философия слагает учение о *тройке* „реальности“ *Идеи*. Понятие как таковое *однажды* уже тождественно с реальностью;⁴ оно само по себе есть *живая творческая сила*, единственное живое, само творчество, абсолютная сила;⁵ его присутствие равносильно бытию и реальности; его отсутствие означает объективное ничтожество. *Вторично* Понятие сообщает себе „реальность“ в „Логике начала“, предвечно раскрывая свою сущность в непосредственном самомышлении и восходя к исчерпывающему категориальному богатству; оно становится абсолютной *Идеей*.⁶ И вот, в *третий раз* Понятие приобретает „объективную реальность“, срастаясь воедино с иррациональной стихией. Элемент чувственного инобытия получает значение некоторой „объективности“,⁷ в которую вработывается „субъективность“ Духа; или значение некоторой внешней „реальности“,⁸ которою овладевает внутренняя „идеальность“ Понятия. Оказывается, что сфера „действительности“ реальнее, чем сфера предвечной „логической реальности“; что *Идея*, создавшая себя *до мира*, не есть еще „истинная“ и „настоящая“ *Идея*, что *истинная Идея* возникает лишь в результате *третьей реализации: сращения Понятия с иррациональным быванием*.⁹ *Абсолютная Идея* восстает, таким образом, из *органического сращения Разума с неразумною чувственностью*. Иррациональная стихия является *необходимым* для Духа и обогащающим его ингредиентом: *реализация Духа состоит в постепенном усвоении ее, в сращении, побеждающем ее беззаконие, но приемлющем ее качество*.

¹ Енс. III. 450. Ср.: Aesth. II. 142. 145. 151. ² Phän. 570. Замечательно, что в своей первой работе, посвященной христианству („Das Leben Iesu“ Nohl. 73—136), Гегель пытался исключить метафизический и мистический элемент в понимании личности Христа и уже через несколько лет он убедился в недостаточности чисто моральной концепции. ³ Phän. 569. Rel. II. 181—288. ⁴ См. главу четвертую. ⁵ См. главу восьмую. ⁶ См. главу девятую. ⁷ См., напр.: Енс. I. 45. Aesth. I. 121. 144. 150. ⁸ См., напр.: Recht. 148. Aesth. I. 138. 148. 149. ⁹ Ср.: Recht. 20. 22. 22 (Z). 66. 78; особенно Recht. 132. 366. Aesth. I. 138. 185 и др.

Такова окончательная и самая глубокая попытка Гегеля изобразить „переход“ Абсолютного к относительному. Эта попытка приводит его к *процессуализации* их соотношения, и отсюда вся философия его получает тот характер *историзма*, который может считаться общепризнанным. Однако историзм Гегеля получает свой истинный характер не от временной последовательности *безразумных* и случайных эмпирических обстоятельств; и не от сопоставления *полуразумных*, двоящихся явлений; но от *спекулятивно-необходимого* и *закономерного* восхождения *разумных „образов мира“*. Историзм Гегеля определяется восходящим рядом побед разума „на земле“. Эта история есть *сверхвременная, метафизическая история*; она повествует о *теогоническом процессе в космосе* и последовательность событий, о которой она говорит, остается всегда *спекулятивной* последовательностью *духовных событий*: она изображает всевозможные формы *органического сращения двух стихий* и их *симбиоза по закону Понятия*.

Последовательность эта определяется началом *свободы*; свобода является высшим мерилom и критерием всех мировых „образов“. И в этом учении о мире как процессе самоосвобождения Божия обнаруживается, что человек с его волею и его нравственностью сосредоточивает в себе Гордиев узел и кризис *спекулятивного пантеизма*.¹

¹ См. второй том: „Учение о смысле человеческой жизни“.

УЧЕНИЕ
О ЧЕЛОВЕКЕ

Том второй

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Учение о смысле человеческой жизни

Глава тринадцатая

СВОБОДА

Философское учение Гегеля, взятое в целом, может быть изображено как *учение о Божией свободе*, ибо к этому содержанию, действительно, сводится все, что он видел и чему он учил. Его философия пытается адекватно раскрыть *сущность* Божию и устанавливает, что эта сущность в *свободе*; она пытается изобразить *путь* Божией жизни и обнаруживает, что этот путь есть *самоосвобождение*; она стремится постигнуть смысл *человеческой жизни* и утверждает, что человек и его дух, его дела, его нравственность, его история и его смерть — все это образует высший этап *самоосвобождения Божия*. Свобода есть первое и последнее, исход всего и увенчание. Свобода есть *essentiale* Божества и критерий реальности; *все через нее и ради нее*. В чем же ее природа?

Малейшая неясность и недоговоренность в определении „свободы“ оказывается пагубной для верного понимания философии Гегеля. Термином „свобода“ так часто пользовались и злоупотребляли в истории мысли, с ним связывали столь различные значения, его столько раз делали лозунгом в практической борьбе, что *разумное содержание*, скрывающееся за ним, кажется совершенно исчезнувшим и уступившим свое место аффективно переживаемой неопределенности. Так было уже в эпоху Гегеля; и нужна была вся сила его интуитивного видения для того, чтобы возродить положительное, разумное содержание этого термина.

Сущность Божия — в свободе; ибо свобода есть *самоопределение*. Бог есть субстанция, единая и единственная реальность. Если бы, помимо Бога, была еще иная субстанция, то каждая из двух субстанций *ограничивала и определяла бы* другую одним своим бытием; это значит, что каждая была бы определена другою и тем самым *не была бы субстанцией*; ибо субстанция есть бытие, *ничем иным не определенное и не обусловленное*. Субстанция есть реальность, не имеющая *никакого инобытия* и потому *всецело обращенная на себя* и определяющая себя самостоятельно. *Центростремительная самодеятельность и самостоятельность, творческое одиночество* — вот основной признак субстанции.¹ Но именно это и означает, что *свобода* есть сущность субстанции.

Субстанция свободна, во-первых, в *отрицательном* смысле. Ибо она ничем иным не ограничена и не определена; она не имеет конца и границы; она есть все, и в этом она подобна „беспредельному“ Анаксимандра.² Она обладает „отрицательной бесконечностью“.

Субстанция свободна, во-вторых, в *положительном* смысле. Ибо она есть *творчество*; она есть жизнь, деятельность, активность, обращенная всецело на себя; то, что она творит, есть не что-нибудь „иное“, но она сама. Она есть сама субъект и сама свой объект; ее „начало“ совпадает с ее „концом“: она есть творческая „положительная“ бесконечность.

Итак, свобода субстанции в том, что она есть *творческое самоопределение*. В этой самодеятельности, обращенная всецело на себя, она свободно, на *внутренних путях* и по *внутренним целям*, осуществляет свою сущность. Ее путь ведет ее через *диалектическое распадение и органическое воссоединение*, к *сращенному, конкретному богатству определений*. По этому закону и в этой форме осуществляется ее *разумная сущность*.

Субстанция есть *разумная стихия, стихия мысли*: она есть *диалектически-органически мыслящее себя объективное Понятие*.³ Каждый акт ее есть акт свободного самоопределения, акт свободы. Понятие свободно делит свое содержание и свободно сращивает его вновь, обогащаясь. Понятие есть *смысловой организм*, сам себя творящий мыслью. Именно в этом значении оно есть *Божество*: свободный от инобытия организм мысли, или, что то же, *объективный смысл, как свободный субъект*.⁴

Естественно, что свобода в качестве закона Божественной жизни является *внутренней необходимостью* для Понятия: По-

¹ См. главу четвертую.

² Ср.: Log. I. 148; Епс. I. 14; Епс. III. 291.

³ Ср.: Log. III. 318. См. главы четвертую, седьмую и восьмую.

⁴ Ср.: Log. II. 243. См. главу восьмую.